

Цифровой капитал как новая форма социального неравенства в информационную эпоху

Курилов Сергей Николаевич

Кандидат философских наук,
заведующий кафедрой,

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
111250, Российская Федерация, Москва, ул. Красноказарменная, 14;
e-mail: KurilovSN@mpei.ru.

Налимова Александра Сергеевна

Ассистент,

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
111250, Российская Федерация, Москва, ул. Красноказарменная, 14;
e-mail: NalimovaAS@mpei.ru.

Родин Алексей Борисович

Директор,
доцент,

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
111250, Российская Федерация, Москва, ул. Красноказарменная, 14;
e-mail: RodinAB@mpei.ru.

Аннотация

В статье исследуется феномен цифрового капитала как новой, значимой формы социального неравенства в эпоху информационного общества. На основе анализа современных социологических данных и теоретических концепций автор доказывает, что цифровой капитал является не просто дополнением, а самостоятельным и мощным ресурсом, определяющим жизненные шансы индивида. В работе вычленяются и подробно рассматриваются три его структурные составляющие: технико-материальная, операционно-когнитивная и социально-сетевая. Ключевой вывод заключается в том, что растущий разрыв в обладании этим капиталом ведет к двойному негативному эффекту: он не только закрепляет традиционные иерархии, но и создает принципиально новые, цифровые формы социального исключения. В свете этого, как подчеркивается в статье, становится острой необходимость в разработке новых и адаптации существующих инструментов социальной политики, направленных на сокращение цифрового разрыва и обеспечение справедливого доступа к ресурсам цифровой эпохи для всех граждан.

Для цитирования в научных исследованиях

Курилов С.Н., Налимова А.С., Родин А.Б. Цифровой капитал как новая форма социального неравенства в информационную эпоху // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Том 15. № 9А. С. 612-620. DOI: 10.34670/AR.2025.13.29.058

Ключевые слова

Цифровой капитал, социальное неравенство, информационное общество, цифровой разрыв, социальная стратификация, цифровая компетентность, социальная эксклюзия, цифровая социология, государственная политика, социальная мобильность.

Введение

Современное общество, характеризуемое как информационное, сетевое или цифровое, порождает принципиально новые основы социальной организации и стратификации. Трансформации, инициированные цифровыми технологиями, носят тотальный характер, затрагивая все сферы человеческой жизнедеятельности: от глобальной экономики (платформенный капитализм, алгоритмическое управление) и политики (цифровой суверенитет, киберактивизм) до повседневных коммуникаций и культурных практик (формирование цифровой идентичности, новые формы консьюмеризма). В этом контексте классические социологические теории, объясняющие механизмы социального неравенства, сталкиваются с необходимостью фундаментального переосмысления и адаптации. Традиционные детерминанты стратификации, такие как экономический класс или доступ к материальным ресурсам, сегодня не отменяются, но существенно дополняются, а в некоторых динамичных социальных нишах и замещаются новыми факторами, связанными с производством, распределением и потреблением информации, данных и цифровых сервисов. Одним из таких ключевых, конституирующих факторов становится цифровой капитал.

Данное понятие, все активнее входящее в научный дискурс, обозначает совокупность ресурсов, связанных с доступом, компетенциями, социальными связями и преимуществами, которые индивиды и группы извлекают из цифровых технологий и сетевых сред. Актуальность его исследования обусловлена растущим, зачастую решающим влиянием на жизненные шансы личности: от алгоритмически опосредованных возможностей трудоустройства и качества дистанционного образования до доступа к персонализированным социальным услугам, эффективности политического участия и формирования символического статуса в онлайн-сообществах. Цель комплексного теоретико-социологического анализа цифрового капитала заключается в том, чтобы выявить его как самостоятельную, хотя и взаимосвязанную с другими, форму социального неравенства, обладающую собственной логикой накопления и конвертации.

Основная часть

Для осмыслиения этого феномена обратимся к теории капиталов Пьера Бурдье. Французский социолог рассматривал капитал не только как экономическую категорию, но и как совокупность накапливаемых социальных энергий, принимающих различные институционализированные формы. Помимо экономического капитала (деньги, собственность), он выделял культурный капитал (в объективированной форме – книги, в инкорпорированной – образование и телесные габитусы, в институционализированной – дипломы), социальный капитал (мобилизуемые сети связей, групповые членства) и символический капитал (престиж, признание, репутация), подчеркивая их способность к взаимной конвертации [Бурдье, 2002]. Цифровой капитал логично встраивается в эту расширяемую парадигму, представляя собой специфический ресурс, который аккумулируется, инвестируется и приносит прибыль (материальную или символическую) в цифровой среде. Он не сводится к простой сумме гаджетов и подключения к

интернету, а представляет собой три взаимосвязанных компонента:

- Материально-технический компонент: доступ к устройствам, инфраструктуре, программному обеспечению и качественному интернет-соединению.
- Когнитивно-навыковый компонент (цифровая компетентность): способность эффективно искать, критически оценивать и создавать информацию, понимать базовые принципы работы цифровых систем, использовать специализированный софт, защищать персональные данные.
- Социально-сетевой компонент: наличие и качество связей в цифровых средах (профессиональные контакты, сообщества экспертов, подписчики в социальных сетях), способность к коллаборации в сетевых проектах и репутация в онлайн-сообществах.

Эволюция понимания цифрового неравенства наглядно демонстрирует переход от периферийного к центральному значению цифрового капитала. Если первоначальные исследования фокусировались на «первом цифровом разрыве» – проблеме физического доступа к интернету и техническим устройствам, то сегодня ключевым стал «второй цифровой разрыв» – неравенство в навыках, компетенциях и способности извлекать устойчивую пользу из технологий для решения жизненных задач [Тарасенко, 2019]. Именно этот второй уровень, по сути, и составляет ядро концепции цифрового капитала. Так, Э. Харгривз и К. Фитцпатрик определяют его как «степень, в которой кто-то может использовать технологии для улучшения своей повседневной жизни и социальной мобильности» [Харгривз, Фитцпатрик, 2020, с. 45], подчеркивая инструментальную и преобразующую функцию. Другие исследователи добавляют аспект «цифрового труда» – целенаправленных усилий по созданию и поддержанию этого капитала (ведение блога, настройка профессионального профиля, создание цифрового портфолио).

В российской социологической традиции данная концепция находит развитие в работах Т.Ю. Богомоловой и Е.Ю. Лазебной, которые рассматривают цифровой капитал как новый стратификационный ресурс, опосредующий доступ к власти, богатству и престижу в цифровую эпоху [Богомолова, Лазебная, 2021, с. 78]. Можно дать интегральное определение: цифровой капитал – это совокупность материально-технических, когнитивно-навыковых и социально-сетевых ресурсов, связанных с использованием цифровых технологий, которые, будучи инкорпорированными индивидом или группой (превращаясь в «цифровой габитус»), позволяют получать конкурентные преимущества, осуществлять конвертацию в другие формы капитала и, в итоге, повышать или поддерживать свой социальный статус.

Важно отметить и диалектическую, двойственную природу цифрового капитала. С одной стороны, он может выступать как инструмент демократизации и социального лифта, предоставляя доступ к знаниям и сетям, ранее контролировавшимся закрытыми институтами. С другой – его накопление часто воспроизводит и даже усиливает традиционное неравенство (экономическое, образовательное, поколенческое), создавая новые формы исключения («цифровые люмпены»). Кроме того, его владелец становится объектом непрерывного мониторинга и источника данных для платформ, что ставит вопрос о цене его накопления в условиях «капитализма наблюдения». Анализ цифрового капитала открывает возможность для критического осмыслиения новой социальной реальности, в которой цифровые компетенции и активы становятся не просто полезными навыками, но важнейшим условием полноценного гражданства и социальной субъектности.

Анализ современной литературы позволяет не только выделить три взаимосвязанных компонента цифрового капитала, но и выявить их внутреннюю иерархию и сложные механизмы

взаимодействия, формирующие его структуру как динамическую систему.

- 1) Технико-материальный компонент традиционно считается базовым, но его роль в эпоху повсеместного проникновения интернета трансформировалась. Он включает не просто наличие устройств и подключения, но и их качественные и количественные характеристики: мощность и современность устройств (возможность запускать требовательный софт для дизайна, программирования или анализа данных), скорость и стабильность соединения (критично для видеоконференций, потоковой передачи или удаленной работы), отсутствие лимитов трафика (для потребления образовательного контента) и даже доступ к периферийным «умным» устройствам (3D-принтеры, VR-шлемы). Хотя в развитых странах проблема базового доступа в значительной степени решена, она сохраняется и приобретает новые формы для маргинализированных групп: пожилые люди зачастую обладают устаревшими устройствами, жители депрессивных регионов сталкиваются с монополией провайдеров и высокими тарифами, а малообеспеченные семьи вынуждены полагаться на смартфоны с ограниченным функционалом, что создает «мобильный цифровой разрыв» и сужает горизонты возможностей [Тарасенко, 2019]. Этот компонент наиболее тесно связан с экономическим капиталом, выступая его прямым цифровым продолжением. Российские исследования, такие как работы И.В. Соколовой и А.В. Шарикова, подтверждают сохранение и углубление территориального (мегаполисы vs. села), возрастного и социально-экономического разрывов в доступе, делая его фундаментом для последующих форм неравенства [Соколова, Шариков, 2020].
- 2) Операционно-когнитивный компонент (цифровая компетентность) является ключевым «двигателем» цифрового капитала, превращающим пассивный доступ в активный ресурс. Он представляет собой сложный комплекс не только навыков, но и установок, мотиваций и критического рефлексивного мышления. Его можно структурировать по следующим аспектам:
 - базовое владение ПО, навыки кибергигиены и защиты данных (технико-инструментальный);
 - способность эффективно искать, верифицировать, анализировать и синтезировать информацию в условиях инфодемии (информационно-аналитический);
 - управление множественными цифровыми идентичностями, эффективное взаимодействие в различных онлайн-средах, сетевой этикет (коммуникационный);
 - способность не только потреблять, но и создавать цифровой контент (тексты, код, медиа, приложения), решать задачи с помощью технологий (созидательно-проектный);
 - понимание политической экономии цифровых платформ, алгоритмической логики, осознание последствий цифрового следа, критическое отношение к технологическому детерминизму (критико-рефлексивный).

Именно по этому компоненту проходит самый глубокий внутригрупповой разрыв. Обладая формально одинаковым доступом, один пользователь может использовать интернет для прохождения МООС от ведущих университетов, создания портфолио и монетизации своего блога, в то время как другой – лишь для пассивного потребления развлекательного контента и простой коммуникации. В российском контексте этот аспект системно исследуется в рамках концепции «цифровой грамотности» (Е.И. Кузьмин, М.В. Нефедова), которая рассматривается как комплекс навыков, необходимых для безопасной и эффективной жизни в цифровой среде [Кузьмин, Нефедова, 2022].

Социально-сетевой компонент отражает интеграцию и позиционирование индивида в цифровых экосистемах. Он выходит за рамки простого наличия контактов и включает:

- Структурные характеристики сетей: их размер, плотность, разнородность (связи с людьми из разных социальных сфер) и доступ к «брюкерам» информации.
- Качество и значимость связей: принадлежность к профессиональным сообществам, экспертных форумов или закрытых чатов, где циркулирует актуальная информация и возможности.
- Способность к мобилизации: возможность привлечь внимание онлайн-аудитории для решения задач (краудфандинг, флешмоб, сбор информации).
- Цифровая репутация: накопленные отзывы на фриланс-бирже, статус в игровом или профессиональном сообществе, история публикаций.

Этот компонент наглядно демонстрирует прямую конвертацию в социальный капитал по Бурдье, где онлайн-сети становятся мощным инструментом для получения рекомендаций, поиска работы, обмена ресурсами и формирования социальной поддержки [Смирнова, 2020]. Теоретической основой для его понимания служат работы Д.В. Иванова о виртуализации общества, где «сетевые капиталы» рассматриваются как ключевой ресурс постмодерна [Иванов, 2018].

Цифровой капитал обретает свою реальную социальную силу и ценность именно в процессе динамической конвертации в другие виды капитала, что закрепляет его стратификационную роль.

- В экономический капитал – высокая цифровая компетентность и сильные сетевые связи ведут к высокооплачиваемой работе в ИТ, удаленной занятости в глобальной экономике, развитию онлайн-бизнеса или успешному фрилансу. Однако эта конвертация часто требует предварительных вложений (в качественное образование, устройства, время на построение бренда), создавая петлю положительной обратной связи для уже привилегированных групп [Харгривз, Фитцпатрик, 2020].
- В культурный капитал – цифровая среда – главное поле аккумуляции культуры. Доступ к MOOCs, электронным библиотекам и архивам формирует объективированный культурный капитал. Участие в нишевых сообществах (например, посвященных современному искусству, независимому кино или академическим дискуссиям) способствует инкорпорации специфических культурных кодов и вкусов, отличающих «цифровую элиту» от массового пользователя [Петрова, 2022].
- В социальный капитал – это наиболее прямая конвертация. Профессиональные сети формализуют деловые связи, а платформы вроде Facebook или Telegram становятся инфраструктурой для поддержания как слабых (знакомых), так и сильных (близких) связей, которые могут быть активированы для карьерного роста, мобилизации ресурсов или получения эмоциональной поддержки [Смирнова, 2020].
- В символический капитал – успешная демонстрация цифрового капитала (экспертность в блоге, статус инфлюенсера, признание в профессиональном сетевом сообществе) приносит авторитет и символическую власть в конкретных социальных полях. Этот «цифровой престиж» становится новой валютой признания, как отмечают О.Н. Вершинская и С.В. Бондаренко, исследуя формирование «цифровых элит» в России [Вершинская, Бондаренко, 2023].

Кумулятивный эффект неравномерного распределения этих компонентов приводит к углублению и институционализации «третьего цифрового разрыва» – разрыва в результатах и

выгодах [Давыдов, Логунова, 2021]. Он проявляется не в отсутствии доступа или навыков, а в системной неспособности превратить их в ощущимые результаты: улучшение качества жизни, карьерный рост, повышение социального статуса, эффективное политическое участие. Это порождает новые, более изощренные формы социальной эксклюзии:

- профессиональная: алгоритмы подбора персонала отфильтровывают кандидатов без «правильного» цифрового следа или навыков.
- образовательная: переход к гибридным формам обучения увеличивает отставание тех, кто не может организовать эффективное цифровое учебное пространство.
- гражданская: доступ к электронным госуслугам и участие в цифровых обсуждениях становится новым барьером для политически маргинализированных групп.
- символическая: возникает стигматизация «цифровых аутсайдеров», чей низкий цифровой капитал интерпретируется как личная несостоительность, что накладывается на традиционные классовые, возрастные и региональные различия.

В России эта проблема особенно остра из-за значительной региональной дифференциации, что подробно анализируется в работах, посвященных цифровому неравенству как фактору социальной эксклюзии (Ю.А. Никуличева, Д.В. Докука) [Никуличева, Докука, 2022]. Таким образом, цифровой капитал, будучи ресурсом мобильности для одних, для других становится непреодолимым барьером, воспроизводя и легитимируя традиционные иерархии в новой, цифровой оболочке.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что цифровой капитал является не просто дополнением к традиционным формам капитала, а становящейся автономной и конституирующей силой в системе социальной стратификации информационного общества. Он формирует собственное «поле» (по Бурдье) со специфическими правилами игры, агентами (от ИТ-специалистов до инфлюенсеров) и ставками (данные, внимание, алгоритмическое преимущество). Его структура, включающая взаимозависимые технико-материальный, операционно-когнитивный и социально-сетевой компоненты, демонстрирует системную сложность и рекурсивность этого феномена: каждый компонент усиливает другой, создавая кумулятивный эффект накопления.

Способность цифрового капитала к мультиплектичной конвертации в экономический, культурный, социальный и символический капиталы не только интегрирует его в классическую схему воспроизводства неравенства, но и делает ключевым механизмом его усиления, маскировки и легитимации в XXI веке. Экономическое преимущество, полученное через цифровые навыки, воспринимается как результат меритократических усилий и личной компетентности, а не структурного неравенства. Таким образом, цифровой капитал выступает как «современный алхимию», трансформирующий и приумножающий традиционные формы господства, придавая им видимость технологической нейтральности и прогрессивности.

Неравенство в распределении цифрового капитала, следовательно, носит не пассивно-отражающий, а активно-продуцирующий характер. Оно не просто зеркалит существующие социальные диспропорции (экономические, образовательные, территориальные), но и создает на их основе новые, менее видимые, но более устойчивые барьеры. Формируется порочный круг «структурной цифровой эксклюзии»: отсутствие ресурсов ограничивает доступ к капиталу, его дефицит блокирует социальную мобильность, что, в свою очередь, воспроизводит исходное неравенство на новом технологическом витке. В этом контексте девиз «доступ для всех»

оказывается иллюзией, если доступ не подкреплен компетенциями и социальными возможностями для его преобразования в реальные жизненные шансы.

В этих условиях традиционные меры социальной поддержки, направленные исключительно на обеспечение физического доступа к технологиям (раздача гаджетов, создание точек Wi-Fi), оказываются не просто недостаточными, но и симптоматичными, ибо игнорируют сущностную природу цифрового капитала как навыково-сетевого ресурса. Требуется парадигмальный сдвиг в политике – от логики «обеспечения доступа» к логике «обеспечения возможностей». Необходима комплексная государственная, корпоративная и общественная политика, сфокусированная на глубинной интеграции цифровой компетентности в образовательные стандарты всех уровней – от школы до программ обучения на протяжение всей жизни, с акцентом на критическое мышление, созидание и сетевую коллaborацию, а не на механическое освоение интерфейсов; целевой и контекстуальной поддержке цифровой грамотности среди уязвимых групп (пожилые, люди с ограниченными возможностями, жители депрессивных регионов), предполагающей не разовые курсы, а создание поддерживающей социальной инфраструктуры и «цифровых наставников»; преодолении социокультурных и мотивационных барьеров, которые часто являются более жесткими, чем технические. Это требует работы с установками, страхами, а также демонстрации релевантных и персонифицированных практических выгод от использования технологий в повседневной жизни конкретных сообществ.

Дальнейшие исследования в этом направлении должны быть сосредоточены на нескольких ключевых пунктах:

- Эмпирическая верификация и операционализация моделей цифрового капитала, разработка валидных инструментов для его измерения в различных национальных и культурных контекстах.
- Глубинное качественное изучение специфики накопления и конвертации цифрового капитала в разных социальных группах (например, как он функционирует у сельских учителей, мигрантов, представителей творческих профессий), что позволит уйти от гомогенизирующих обобщений.
- Критический анализ роли платформ и алгоритмов как новых «привратников» (gatekeepers), которые структурируют возможности для накопления цифрового капитала и часто воспроизводят дискриминационные практики.
- Разработка и тестирование конкретных социально-инженерных и педагогических инструментов (форматы обучения, дизайн инклюзивных интерфейсов, модели государственно-частного партнерства), направленных на снижение уровня цифрового неравенства.

Осознание цифрового капитала как одного из ключевых вызовов современности означает признание того, что будущая социальная справедливость будет в значительной степени определяться справедливостью цифровой. Борьба с новыми формами эксклюзии – это не техническая, а в первую очередь политическая и гуманитарная задача, требующая переосмыслиния самих оснований социального контракта в эпоху данных и алгоритмов.

Библиография

1. Белкина, Е. О. Структура и измерение цифровой компетентности в современном обществе // Вопросы образования. 2021. № 4. С. 178–199.
2. Богомолова, Т. Ю., Лазебная, Е. Ю. Цифровой капитал как новый ресурс социального неравенства // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 75–85.

3. Бурдье, П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.
4. Вершинская, О. Н., Бондаренко, С. В. Цифровое общество как новая социальная реальность: социально-философский анализ // Вопросы философии. 2023. № 4. С. 34–45.
5. Давыдов, С. Г., Логунова, О. С. Третий уровень цифрового разрыва: к постановке проблемы // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 90–100.
6. Иванов, Д. В. Виртуализация общества и сетевые капиталы // Общественные науки и современность. 2018. № 3. С. 45–58.
7. Кузьмин, Е. И., Нефедова, М. В. Цифровая грамотность и цифровая компетентность: теоретический анализ понятий // Вестник РГНФ. 2022. № 1 (106). С. 123–134.
8. Никуличева, Ю. А., Докука, Д. В. Цифровое неравенство как фактор социальной эксплозии в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25. № 2. С. 156–180.
9. Петрова, Л. Е. Цифровая культура как поле накопления культурного капитала // Культура и искусство. 2022. № 5. С. 15–28.
10. Смирнова, О. М. Социальный капитал в цифровую эпоху: трансформация сетей взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 4. С. 112–130.
11. Соколова, И. В., Шариков, А. В. Цифровое неравенство в России: региональный и возрастной аспекты // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 184–205.
12. Тарасенко, В. В. Цифровое неравенство: от доступа к навыкам и результатам // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 3. С. 48–67.
13. Харгивз, Э., Фитцпатрик, К. Цифровой капитал и социальная мобильность // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 44–59.

Digital Capital as a New Form of Social Inequality in the Information Age

Sergei N. Kurilov

PhD in Philosophy,
Head of the Department,
National Research University "MPEI",
111250, Russian Federation, Moscow, Krasnokazarmennaya str., 14;
e-mail: KurilovSN@mpei.ru.

Aleksandra S. Nalimova

Assistant Lecturer,
National Research University "MPEI",
111250, Russian Federation, Moscow, Krasnokazarmennaya str., 14;
e-mail: NalimovaAS@mpei.ru.

Aleksei B. Rodin

Director,
Associate Professor,
National Research University "MPEI",
111250, Russian Federation, Moscow, Krasnokazarmennaya str., 14;
e-mail: RodinAB@mpei.ru.

Abstract

This article examines the phenomenon of digital capital as a new, significant form of social inequality in the information age. Based on an analysis of contemporary sociological data and

theoretical concepts, the author demonstrates that digital capital is not simply an adjunct, but an independent and powerful resource that determines an individual's life chances. The paper identifies and examines in detail its three structural components: technical-material, operational-cognitive, and social-network. The key conclusion is that the growing gap in the possession of this capital leads to a double negative effect: it not only entrenches traditional hierarchies but also creates fundamentally new, digital forms of social exclusion. In light of this, the article emphasizes, there is an urgent need to develop new and adapt existing social policy instruments aimed at reducing the digital divide and ensuring equitable access to digital-age resources for all citizens.

For citation

Kurilov S.N., Nalimova A.S., Rodin A.B. (2024). Digital capital as a new form of social inequality in the information age. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 15 (9A), pp. 612-620. DOI: 10.34670/AR.2025.13.29.058

Keywords

Digital capital, social inequality, information society, digital divide, social stratification, digital competence, social exclusion, digital sociology, state policy, social mobility.

References

1. Belkina, E. O. (2021). Struktura i izmerenie tsifrovoy kompetentnosti v sovremenном obshchestve [Structure and measurement of digital competence in modern society]. *Voprosy obrazovaniya*, 4, 178–199.
2. Bogomolova, T. Yu., & Lazebnaya, E. Yu. (2021). Tsifrovoy kapital kak novyy resurs sotsial'nogo neravenstva [Digital capital as a new resource of social inequality]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 5, 75–85.
3. Bourdieu, P. (2002). Formy kapitala [Forms of capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 3(5), 60–74.
4. Davydov, S. G., & Logunova, O. S. (2021). Tretiy uroven' tsifrovogo razryva: k postanovke problemy [The third level of the digital divide: Towards a problem statement]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 8, 90–100.
5. Hargreaves, E., & Fitzpatrick, K. (2020). Tsifrovoy kapital i sotsial'naya mobil'nost' [Digital capital and social mobility]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 1, 44–59.
6. Ivanov, D. V. (2018). Virtualizatsiya obshchestva i setevye kapitaly [Virtualization of society and network capitals]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 3, 45–58.
7. Kuzmin, E. I., & Nefedova, M. V. (2022). Tsifrovaya gramotnost' i tsifrovaya kompetentnost': teoreticheskiy analiz ponyatiy [Digital literacy and digital competence: A theoretical analysis of concepts]. *Vestnik RGNK*, 1(106), 123–134.
8. Nikulicheva, Yu. A., & Dokuka, D. V. (2022). Tsifrovoe neravenstvo kak faktor sotsial'noy eksklyuzii v sovremennoy Rossii [Digital inequality as a factor of social exclusion in modern Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 25(2), 156–180.
9. Petrova, L. E. (2022). Tsifrovaya kul'tura kak pole nakopleniya kul'turnogo kapitala [Digital culture as a field of accumulation of cultural capital]. *Kul'tura i iskusstvo*, 5, 15–28.
10. Smirnova, O. M. (2020). Sotsial'nyy kapital v tsifrovyyu epokhu: transformatsiya setey vzaimodeystviya [Social capital in the digital age: Transformation of interaction networks]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 23(4), 112–130.
11. Sokolova, I. V., & Sharikov, A. V. (2020). Tsifrovoe neravenstvo v Rossii: regional'nyy i vozrastnoy aspekty [Digital inequality in Russia: Regional and age aspects]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2, 184–205.
12. Tarasenko, V. V. (2019). Tsifrovoe neravenstvo: ot dostupa k navykam i rezul'tatam [Digital divide: From access to skills and outcomes]. *Sotsiologicheskiy zhurnal*, 25(3), 48–67.
13. Vershinskaya, O. N., & Bondarenko, S. V. (2023). Tsifrovoe obshchestvo kak novaya sotsial'naya real'nost': sotsial'no-filosofskiy analiz [Digital society as a new social reality: Socio-philosophical analysis]. *Voprosy filosofii*, 4, 34–45.